

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТИ.

15 ОКТЯБРЯ

№ 20.

1868 ГОДА.

Выходить два раза въ мѣсяцъ: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

УКАЗЪ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА:

отъ 14 сентября 1868 года. *О Высочайше утвержденномъ 8 Іюля сего года мѣнѣніи Государственнаго Совѣта, относительно тѣхъ недвижимыхъ имѣній, принадлежащихъ духовнымъ учрежденіямъ, которыя освобождаются отъ земскаго сбора.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Исправляющаго должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 20 Іюля сего года за № 3441, въ коемъ изъяснено: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомляетъ, что Государственный Совѣтъ Высочайше утвержденнымъ 8-го того же Іюля мѣнѣніемъ положилъ: ст. 13 врем. для зем. учр. правилъ дополнить слѣдующимъ правиломъ: „не подлежать равнымъ образомъ обложенію со стороны земскихъ учреждений (кромѣ земель и земельныхъ угодій, отведенныхъ Правительствомъ церквамъ, монастырямъ и другимъ духовнымъ учрежденіямъ на содержаніе и освобожденныхъ отъ обложенія на мѣстныя земскія повинности,

на основаніи пун 2 § 5 прил. къ ст. 55 Уст. о зем. пов.) всякаго рода принадлежація церквамъ, монастырямъ и другимъ духовнымъ учрежденіямъ недвижимыя имущества, которыя не приносятъ и, по свойству своему, не могутъ приносить никакого дохода, безъ различія, отданы ли сін имущества Правительствомъ на содержаніе упомянутыхъ учреждений, или пріобрѣтены инымъ способомъ⁴. И по справкѣ, Приказали: О такомъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденномъ 8-го Іюля сего года, относительно тѣхъ недвижимыхъ имѣній, принадлежащихъ духовнымъ учрежденіямъ, которыя освобождаются отъ земскаго сбора, объявить печатными указами по духовному вѣдомству.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Объ опредѣленіи и перемѣщеніи на священнослужительскія мѣста.

Воспитаникъ семинаріи Иванъ *Соловьевъ* опредѣленъ во священника въ село Сосновецъ Козловскаго уѣзда.

Священникъ села Русанова, Борисоглѣбскаго уѣзда, Архипъ *Пятницкій* перемѣщенъ въ село Крюково, Моршанскаго уѣзда, на мѣсто священника Димитрія Мучкапскаго, — а *Мучкапскій* переведенъ въ село Крестелево, Борисоглѣбскаго уѣзда, на мѣсто Іоанна *Архангельскаго*, который перемѣщенъ въ село Русаново на мѣсто означеннаго священника Пятницкаго.

Священникъ села Мальцова Шацкого уѣзда Василій *Добровъ* переведенъ въ село Болушево.

Студентъ семинаріи Николай *Тихонравовъ* опредѣленъ во священника въ село Куликово Усманскаго уѣзда.

Окончившій курсъ семинаріи Василій *Добровъ* опредѣленъ на священническое мѣсто въ село Ласино Елатомскаго уѣзда.

III.

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О Т Ч Е Т Ъ

О ПРИХОДѢ, РАСХОДѢ И ОСТАТКѢ ДЕНЕЖНЫХЪ СУММЪ

п о

Тамбовскому Училищу дѣвиць духовнаго званія,

за 1863, 1864 и 1865 годы.

ПРИХОДЪ.

1. Собрано отъ различныхъ пожертвованій на содержаніе Училища дѣвиць духовнаго званія денегъ. . . . . 7743 р. 92 к.

2. При отношеніи Тамбовскаго духовнаго Попечительства за № 2, полученъ государственный непрерывно-доходный билетъ въ пользу Училища дѣвиць духовнаго званія за № 8358, на сумму. 1348 р. — к.

Итого въ 1863 году поступило въ приходъ:

а) наличными . 7743 р. 92 к.

б) Въ билетъ . 1348 р. — к.

Отъ 1863 года къ 1864 году осталось:

а) наличными . 1423 р. 85 к.

б) въ билетъ . 1348 р. — к.

Въ 1864 году поступило:

1. Отъ процентовъ съ капитала г.

Трунцевскаго . . . . . 314 р. 32 к.

2. Отъ Тамбовскаго духовнаго По-

печительства . . . . . 460 р. — к.

3. Отъ процентовъ съ кошельковой суммы соборныхъ и приходскихъ церквей	1010 р. 12 ³ / ₄ к.
4. Отъ процентовъ съ кошельковой суммы единовременнаго сбора	1085 р. 69 к.
Отъ редакціи тамбовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей	1545 р. — к.
6. Отъ пожертвованій священно-церковнослужителей градскихъ и сельскихъ церквей, монастырей и пустыней	3800 р. 54 ¹ / ₂ к.
7. Отъ тѣхъ же пожертвованій единовременнаго сбора	1786 р. 83 к.
8. Отъ продажи книгъ Черниговскаго архіепископа Филарета, пожертвованныхъ въ пользу Училища	1731 р. 60 к.
9. Отъ продажи книгъ Спаскаго протоіеря Павла Бѣловидова, пожертвованныхъ въ пользу училища	209 р. 53 ¹ / ₂ к.
10. Отъ благотворителей разныхъ сословій	130 р. — к.
11. Отъ взноса пансіонерокъ, за содержаніе въ Училищѣ казеннокоштно и за право ученія	415 р. — к.

Итого въ 1864 году въ приходѣ:	
а) жертвенной	11971 р. 36 ¹ / ₄ к.
б) вырученной отъ продажи книгъ архіепископа Филарета и протоіеря Бѣловидова	1941 р. 13 ¹ / ₂ к.
с) въ билетъ	1348 р. — к.

Отъ 1864 года къ 1865 году осталось:

Отъ продажи книгъ архіепископа Филарета и протоіеря Бѣловидова де-

негъ . . . . . 940 р. 67¹/₄ к.
 Въ билетъ 1348 р. — к.

Въ 1865 году поступило:

1. За отдачу въ арендное содержаніе училищной земли, пожертвованной г-жею Рындиной . . . . . 451 р. 17³/₄ к.

2. Отъ процентовъ съ суммы г. Трунцевскаго . . . . . 315 р. 32 к.

3. Отъ Тамбовскаго духовнаго Попечительства . . . . . 460 р. — к.

4. Отъ процентовъ съ кошелевковой суммы . . . . . 933 р. 58¹/₄ к.

5. Отъ редакціи епархіальныхъ вѣдомостей . . . . . 1000 р. — к.

6. Отъ пожертвованій священноцерковно-служителей, монастырей и пустыней . . . . . 3290 р. 59 к.

7. Отъ благотворителей разныхъ сословій . . . . . 1560 р. 11 к.

8. Отъ взноса пансіонерокъ и за право ученія . . . . . 465 р. — к.

9. Отъ продажи книгъ Черниговскаго архіепископа Филарета . . . . . 1930 р. 4¹/₂ к.

Итого въ 1865 г. въ приходъ:

а) собранной отъ пожертвованій . . . . . 8475 р. 78 к.

б) Отъ продажи жертвенныхъ книгъ и съ остаточными . . . . . 2870 р. 71³/₄ к.

в) Въ билетъ . . . . . 1348 р. — к.

РАСХОДЪ.

Въ 1863 году:

1. На устройство и содержаніе дома училищнаго, съ отопленіемъ и освященіемъ	5226 р. 89 ¹ / ₂ к.
2. На содержаніе воспитанницъ пищею и одеждою	973 р. 17 ¹ / ₂ к.
3. На жалованье служащимъ въ училищѣ	120 р. — к.

Примѣчаніе. Значущіяся въ расходной книгѣ подъ № 8 деньги: тысяча пятьсотъ рублей (1500) выданными въ заимообразъ 1 Тамбовскому Училищу духовному, резолюціею преосвященнаго Θεодосія оставлены въ пользу онаго училища безвозвратно.

Итого въ 1863 году въ расходѣ . . . . . 6320 р. 7 к.

За тѣмъ къ 1864 году осталось:

а) наличными	1423 р. 85 к.
б) въ билетѣ	1348 р. — к.

Въ 1864 году:

1. На содержаніе воспитанницъ пищею и одеждою	2009 р. 73 ¹ / ₂ к.
2. Изъ собранныхъ за продажу книгъ Черниговскаго архіепископа Филарета взято на расходы училища	1000 р. — к.
3. На жалованье служащимъ въ училищѣ	909 р. 50 к.
4. На письмоводителя при училищномъ правленіи и канцелярскіе расходы	64 р. 30 к.
5. На учебныя и руководъльныя пособия и лѣкарства	189 р. 61 к.
6. На содержаніе дома съ отопленіемъ и освященіемъ и постройку церкви при Училищѣ	8798 р. 67 к.

Итого въ 1864 г. въ расходѣ:

а) жертвенной	11971 р. 81 $\frac{1}{2}$ к.
б) книжной.	1000 р. — к.

За тѣмъ къ 1865 году осталось вырученной отъ продажи книгъ суммы.	940 р. 67 $\frac{1}{4}$ к.
Въ билетѣ	1348 р. — к.

Въ 1865 году:

1. На содержаніе воспитанницъ пи- щею и одеждою	2597 р. 32 к.
2. На жалованье служащимъ въ училищѣ	1081 р. 25 к.
3. На письмоводителя и канцеляр- скіе расходы	77 р. 30 к.
4. На учебные и руководѣльныя по- собія и лѣкарства	320 р. 2 к.
5. На содержаніе дома и построй- ку въ домѣ	5182 р. 10 к.
5. Изъ вырученной суммы Черни- говскаго архіепископа Филарета взято на расходы училищныя	1397 р. 60 к.

Итого въ 1865 году въ расходѣ:

а) жертвенной суммы.	9257 р. 99 к.
б) книжной	1397 р. 60 к.

За тѣмъ къ 1866 году въ книжной суммѣ въ остаткѣ слѣдовало бы 1473 р. 11 $\frac{3}{4}$ к., но какъ въ жертвенной суммѣ на покрытіе расходовъ 782 руб. и 21 коп. недоставало, то оныя взяты изъ суммы книжной, и за тѣмъ книжной суммы къ 1866 г. въ наличности состоитъ.	690 р. 90 $\frac{3}{4}$ к.
Въ билетѣ	1348 р. — к.

1868 г. Мая 1 дня. Отчетъ сей за 1863, 1864 и 1865 годы о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, принадлежащихъ Училищу въ Ревизіонномъ Комитетѣ свидѣтельствованъ и по свидѣтельству оказался въ счетѣ суммъ и съ приходе-расходными книгами вѣрнымъ. Члены Ревизіоннаго Комитета: Герей Василій Адамовъ, Герей Пларіонъ Нечаевъ, Герей Іоаннъ Новосельскій.

ЛОТЕРЕЯ,

ВЪ ПОЛЬЗУ ВОСПИТАНИЦЪ УЧИЛИЩА ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО
ЗВАНІЯ,

была разыграна 24 іюня 1868 года.

Слѣдующіе номера билетовъ выиграла:

Номера билетовъ.	Номера выигрышей	Номера билетовъ.	Номера выигрышей	Номера билетовъ.	Номера выигрышей	Номера билетовъ.	Номера выигрышей	Номера билетовъ.	Номера выигрышей	Номера билетовъ.	Номера выигрышей
13	96	52	26	241	123	635	111	33	136	895	92
258	103	907	42	1257	79	1182	12	804	7	1091	100
388	102	638	39	1234	81	70	150	1238	130	1254	47
139	99	246	41	28	83	698	4	255	152	855	56
893	98	10	44	147	82	1018	115	1074	143	419	53
661	29	876	35	63	129	233	5	536	10	1352	60
808	27	1046	32	1225	86	25	24	150	20	1167	57
1266	28	1158	77	1294	155	1053	135	1071	9	79	45
117	30	412	75	841	154	519	19	12	113	754	49
1036	31	622	105	1033	107	537	117	1070	119	1309	46
460	71	175	108	370	142	50	13	1272	114	470	62
846	74	531	85	508	23	194	131	414	2	1263	55
892	70	1004	125	1109	149	520	134	682	17	205	64
480	66	676	106	1256	8	595	16	1301	137	198	65
1177	67	675	124	1262	141	1150	139	766	146	842	63
19	73	1068	90	138	110	122	147	591	15	1111	52
1284	69	18	89	1201	120	1344	118	1221	109	405	58
758	33	137	87	152	112	935	21	145	93	5	48

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвитинъ.

Съ дозволеніе цензуры 9 Ноября 1868 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

К Ъ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

15 ОКТЯБРЯ

№ 20.

1868 ГОДА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ДРЕВНЕРУССКАГО СЕЛЬСКАГО ПРИХОДА.

(Продолженіе.)

Къ чести древне-русскаго простаго народа должно сказать, что грамотность была распространена въ немъ болѣе, чѣмъ въ настоящемъ народѣ; книжную мудрость онъ любилъ болѣе всего. Но эта грамотность была слишкомъ недалека; она ограничивалась однимъ умѣньемъ читать и разбирать рукописныя книги. Эта книжная мудрость распространяла въ немъ не столько истинное познаніе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, сколько ложное. Богослужебныя и другія священныя книги, переведенныя на славянскій языкъ, были не понятны для него; проповѣди греческихъ отцовъ церкви и своихъ русскихъ пастырей, составленныя по образцу первыхъ, были слишкомъ высоки для его дѣтскаго ума и неприменимы къ его нравственно-религіознымъ и практическимъ требованіямъ. Простой народъ выбиралъ изъ переводной литературы только то, что ближе шло къ его дѣтскимъ понятіямъ, что походило болѣе на басню, чѣмъ на серьезную исторію и было занимательно по содержанію, просто по формѣ, живо и увлекательно по своему изложенію. А такова была на самомъ дѣлѣ апокрифическая литература, созданная такимъ же простымъ неразвитымъ наро-

домъ и перенесенная къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, частію изъ Византіи и Болгаріи, частію съ Запада. Этими апокрифическими сказаніями пользовались даже наши древніе лѣтописцы, помѣщавшіе въ своихъ лѣтописяхъ легендарные рассказы о Гогѣ и Магогѣ; ими наполнены были первые наши рукописные сборники. Въ Изборникѣ Святослава (XI в.) помѣщена была статья о добрыхъ и злыхъ дняхъ, а въ рукописи XII в.—хождение Богородицы по мукамъ, а въ рукописи XVII вѣка—сказаніе о св. Агапіѣ, видѣвшемъ рай, о голубиной книгѣ и др. Легендарный и сказочный характеръ этихъ апокрифическихъ сочиненій поражалъ фантазію и дѣтскій умъ простаго народа. Въ нихъ все игриво по формѣ и занимательно по содержанію. Тутъ постоянно встрѣчаются фантастическіе, не лишеныя поэзіи, рассказы изъ В. Завѣта, еще еврейскаго происхожденія; космогоническія сказанія о назначеніи міра и человѣка, о мудрецахъ древнихъ, апокрифы новозавѣтные, переданія о Спасителѣ, Богородицѣ и Апостолахъ, поэтическіе рассказы о святыхъ и мученикахъ, видѣнія загробной жизни, волшебства, гаданія астрологическія и зеленныя и т. п. Народъ съ такою любовію и вниманіемъ читалъ ихъ, что подъ вліяніемъ ихъ составлялъ свои собственные апокрифическіе рассказы и изъ этихъ апокрифическихъ сказаній составлялъ свои особые сборники. Такимъ образомъ образовались особые *мірскіе сельскіе сборники*, въ которыхъ помѣщались особые *сельскіе* псалмы, всевозможнаго рода легендарные рассказы изъ В. и Новозавѣтной исторіи, молитвы и заговоры, примѣты и гаданія и все, что только приходилось по вкусу простому народу. Вотъ какіе апокрифы помѣщались въ сельскихъ сборникахъ: „Адамъ, Энохъ, что былъ на пятомъ небеси и исписалъ 300 книгъ, Ламеховы книги, Патріарси, Симова молитва, Адамовъ завѣтъ, Мойсеевъ завѣтъ, Соломони Псалмы, Ильино обаваніе, Исائیно видѣніе, о дванадесяти Іаковличахъ, Яковля по-

вѣсть, Петрово обавленіе, Апостольстія обходи, что приходили ко граду, обрѣтоша чловѣка орюща волю и просили хлѣба, онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взораша ниву и посѣявше, и приде съ хлѣбы, и обрѣте пшеницу зрѣлу; Варнавино посланіе, Павлово дѣяніе, Павлово обавленіе, Евангеліе отъ Варнавы, Евангеліе отъ Θомы, о Рахменехъ, Зосимово, Паралипомена, что орла слали въ Вавилонъ съ грамотою къ пророку Іереміи; ложныя молитвы, Іереміина апология, Ивана Богослова вопросы, еже на Елеонстѣй горѣ; того же Іоанна Богослова вопросы ко Господу, иже рече къ нему Господь: „слыши, праведный Иване“—Его же вопросы ко Аврааму о праведныхъ душахъ, Варооломеевы вопросы о Богородицѣ, како Христа родила; Епистоліи о недѣли; сказаніе о древѣ крестномъ; Хожденіе Петра по вознесеніи Господа, что Христа отрочатемъ продавали и что рыбы по суху ходили; дѣтство Христово; хожденіе Богородицы по мукамъ; лобъ Адамль, что семь царей подъ нимъ сидѣли, или что 12 службъ въ немъ; сказаніе како Христа въ попы ставили, и како Христось плугомъ ораль, еже Іеремія попъ Болгарскій изолгалъ, былъ въ навѣхъ на верзилову коду; Петрово житіе въ пустынѣ 52 лѣта; Павлово хожденіе по мукамъ; имена Ангеловъ; преніе діавола со Христомъ, о службѣ тайнъ Христовыхъ, что поздять служители обѣдню, и врата райскіе затворяются и Ангелы попа клянуть; о пустыницѣ, о Макаріи Римстѣмъ, что три чернецы нашли его за 20 версть отъ рая; о Соломонѣ царѣ; о царевѣ кощунѣ; о Соломоновыхъ ложныхъ судахъ; о китоврасѣ; Авгарево посланіе, Давыдовы пѣсни, Софоніево обаваніе. Суть же и о мученицѣхъ лжею складено, а не тако, якоже истина ихъ писана въ менехъ четыхъ и въ пролозѣхъ. Георгіево мученіе, Сергіево мученіе; Никитино мученіе, Евтропіево мученіе, Евтихіево мученіе; что седмижды умре и оживе, Климен-

та Анкирскаго мученіе и иныхъ многихъ. Вопросы и отвѣты Іоанна Богослова о всемъ по ряду, чтеніе о всей твари: куръ стоитъ въ мори, триста Ангель солнце вертятъ, жена стоитъ (въ мори), глава ея яко солнце и т. д.; о двоюнадесяти пятницахъ, споръ Тарасія жидовина съ Елевѣріемъ, Слово Меѳодія Патарскаго отъ начатка и до кончины, въ немъ же писанъ Мунтъ сынъ Ноевъ, и три дѣта землѣ горѣти, что запечатани цари Александромъ Македонскимъ, Гогъ и Магогъ; Исаакъ видѣ, столпъ посреди двора, Архангелъ (Гавріилъ) Михаилъ Авраама возносилъ на небеса и далъ ему видѣти, что тамъ дѣлается. А се есть мудрованіе тѣхъ, ими же себе отлучаютъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсовомъ въ пагубу: книга Мартолой, рекше острологъ, астрономъ, землефрѣ, чаровникъ, въ нейже суть 12 главизнъ, стихи двунадесять опромѣтнихъ лицъ звѣриныхъ, птичьихъ, еже еси се: первое: тѣло свое хранитъ мертво и летаетъ орломъ, ястребомъ, враномъ, дятеломъ, совою, рыщутъ лютымъ звѣремъ, венремъ, дикимъ волкомъ, летаетъ зміемъ, рыщутъ рысью и медвѣдемъ; книга громовникъ, молонейникъ, мѣсяць кружится, колядникъ, метаніе—мысленникъ, сновидѣць, волховникъ, вохвоуще птицами или воронограй, курокликъ, окомигъ, огонь бучить, песь воетъ, мышепяскъ, мышъ порты грызетъ, кошка въ окнѣ, жаба вскочитъ, мышца дрожить, сонъ страшенъ слѣнца встрѣтитъ, кошка мяукаетъ, изгоритъ нѣчто, огонь пищитъ, искра изъ огня, конь ржетъ, валъ на валъ идетъ, поточникъ, птичникъ различныхъ птицъ, пчела поетъ, рыбы, дерево къ дереву пригибаетъ, трава, дѣсь шумитъ, пощею чочетъ сорока, дятель, жодна—гость пріидетъ, лопаточникъ, палатникъ, волховники различныя, путникъ,—книга, въ нейже писано о встрѣчахъ и коби всякія, о днехъ лукавыхъ, и добрыхъ, о часѣхъ злыхъ и добрыхъ, о днехъ лукавыхъ и добрыхъ, яко въ первый день Адамъ созданъ. Еще же книги ерети-

чи: звѣздочтець, 12 звѣздъ или планидъ и другій звѣздочтець, емуже имя шестодневецъ, въ нихъ же безумніи людіе вѣрующе, волхвуютъ, ищуще дни рожденій своихъ, саяновъ полученіе и что впередъ будетъ, рокожитіа и бѣдныхъ напастей и различныхъ смертей, казней въ службахъ и въ путяхъ и въ ремеслахъ и оставя Божию помощь, призываютъ бѣсовъ, не вѣдуще Божіихъ судьбъ (а).⁴ Отличительная черта этихъ сельскихъ сборниковъ состояла въ томъ, что въ нихъ истина всегда смѣшивалась съ ложью, понятія и обряды чисто христіанскіе перемѣшаны были съ понятіями и обрядами языческими и еретическими, символика церковная—съ символикою зооморфическою, церковная исторія съ баснями всякаго рода, вѣра съ суевѣріемъ, молитвы церковныя съ заклятіями и заговорами, или съ молитвами языческаго склада и содержанія. Подъ вліяніемъ такихъ-то апокрифическихъ сказаній, изложенныхъ въ древне-русскихъ сельскихъ сборникахъ, развивались тѣ ложныя понятія о Богѣ и мірѣ, природѣ и человѣкѣ, тѣ суевѣрія и предрасудки, которыми искони жилъ русскій народъ, которыми живеть онъ помѣстамъ и до настоящихъ поръ.

Что же же дѣлало древне-русское сельское духовенство, призванное для нравственно-религіознаго воспитанія народа? Употребляло-ли оно какіе либо средства къ искорененію невѣрія и суевѣрій въ народѣ, къ истребленію въ немъ ложныхъ легендарныхъ сказаній и предрасудковъ? Положительно можно сказать: нѣтъ! Избранное изъ среды народа и самимъ народомъ, духовенство стояло на одномъ уровнѣ развитія съ народомъ, раздѣляло съ нимъ всѣ вѣрованія и убѣжденія и не только не старалось объ искорененіи предрасудковъ и языческихъ заблужденій, но еще поддерживало ихъ. Указывая на языческія вѣрованія и заблужденія въ

(а) Сбор. Сол. биб. № 896, 813, 274, 1138, 231 и т. д.

рускомъ народѣ, вышеупомянутый христолюбецъ прибавляетъ: *„этихъ вѣрованій держатся не только невежлы (невѣжды), но священники и книжники. Если же не совершаютъ того священники и книжники, то другимъ дозволяютъ и сами поднятъ моленное (жертвенное) то брашно. Если не пьютъ и не поднятъ сами, то видятъ злыя дѣла невѣждъ; если же не видятъ, то слышатъ, а все таки не хотятъ поучить такихъ людей.“*— Вотъ почему какъ упомянутый христолюбецъ, такъ и прочіе ревнители вѣры, особенно епископы, въ своихъ окружныхъ посланіяхъ сильно укоряли сельскихъ священниковъ за ихъ невниманіе и даже потворство вѣрованіямъ и обрядамъ своихъ прихожанъ. Воспитанные въ суевѣрныхъ обычаяхъ и языческихъ обрядахъ, древне-русскіе сельскіе священно-церковнослужители не только не заботились объ искорененіи ихъ въ своихъ прихожанахъ, но даже поддерживали, смѣшивали ихъ съ церковными обрядами, пускали напр. въ церковь ряженныхъ людей, которые поднимали тамъ хохотъ и говоръ, заводили пляску, пѣли языческія пѣсни, позволяли носить мясо, пиво, виной пировали тамъ, какъ дома и т. п. Мы, видѣли какъ изъ смѣшенія языческихъ вѣрованій и христіанскаго ученія народъ составлялъ для себя особенный фантастическій міръ и вмѣстѣ съ апокрифическими сказаніями излагалъ свои вѣрованія и обычаи въ особыхъ, уважаемыхъ имъ, сельскихъ сборникахъ. Древне-русское сельское духовенство и въ этомъ не только не отставало отъ народа, но шло даже впередъ его. Сельскіе священники составляли для себя особые номоканунцы, называемые нашими древне-русскими ревнителями православія *сельски ми худыми номоканунцами и молитвенниками*, въ которыхъ, наряду съ церковными молитвами, помѣщались лживыя молитвы о трясавицахъ и о нежитяхъ, о недузѣхъ и паузахъ, правила апостольскія, написанныя ложно. Сельскіе священники привязывали грамоты трясавичныя къ просвирамъ

болѣзни ради (а) и дѣлали множество другихъ суевѣрныхъ обрядовъ, оскорбляющихъ церковную святыню. Неутомимыми распространителями апокрифической литературы или переписчиками уважаемыхъ народомъ сельскихъ сборниковъ были дьячки и поповскія дѣти, прежде другихъ обучавшіеся грамотѣ. Отличаясь рукописнымъ искусствомъ, они извлекали большой доходъ изъ переписи сборниковъ и сами держали у себя книги *недобрыя, ересныя, да приговоры и рафли, тетради гадательныя и т. п.* (б) Курбскій (да и не онъ только одинъ) жаловался, что въ его время „мнящіеся учителями быти больше въ болгарскія басни, або паче въ бабскія бредни упражняются, нежели великихъ учителей разумъ наслаждаются“ (в). Невѣжество и малообразованность древне-русскаго сельскаго духовенства — фактъ общезвѣстный. Стоитъ только припомнить жалобу архіепископа Новгородскаго Геннадія: „а се приведуть ко мнѣ мужика, и азъ велю апостоль чести, и онъ не умѣеть наступить; и азъ велю ему псалтырю дати, а онъ и по тому едва бредеть, и азъ его оторку, да мнѣ бьютъ челомъ: пожалуй деи, господине, вели учити, и азъ прикажу учити ихъ октени, и онъ и къ слову не можетъ пристати; ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; и азъ велю имъ учить азбуку, и они, поучився мало азбуки, да просятъ прочь, а и не хотятъ ее учити. А се мужики невѣжи учать робять, да рѣчь ему испортятъ, да первое изучить ему вечерню, ино-то мастеру принести каша, да гривна денегъ, а завтраи также, а и свыше того; а часы то особно, да тѣ поминки оприче могогарыча, что рядилъ отъ него; а отъ мастера отъидеть, и онъ ничего не умѣеть, только то бредеть по книгѣ, а церковнаго постаи ничего не знаетъ.“ А

(а) Сбор. Сол. Библ. № № 896, 813, 274, 1138.

(б) Русск. Вѣст. 1857 г. кн. 12 Очерк. Церк. Админ. стр. -2829.

(в) Прав. Соб. 1861 г. Март. стр. 282.

когда святитель отказывался ставить такихъ невѣждъ во священники, то прихожане-просители говорили ему: земля, господине, такова, не можемъ добыть челоуѣка, кто бы грамотъ умѣлъ (а). Да и сами ставленники обыкновенно говорили: мы де учимся у своихъ мастеровъ, а индѣ намъ учиться негдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, потомъ и насъ учать; а отцы и мастера, по отзыву Стоглаваго собора, сами мало умѣютъ и силы Божественнаго писанія не знаютъ, а учитья имъ негдѣ (б). „Немногого требовалъ святитель Новгородскій отъ ставленниковъ и мастеровъ, которые должны были обучать ихъ. Онъ совѣтовалъ, чтобы ставленникамъ *сперва были истолкована азбука съ гринями, потомъ подтительная*; за тѣмъ, чтобы они выучили псалтырь съ возслѣдованіемъ; а когда выучать это, могутъ кононархати и читать всякую книгу.“ Стоглавый соборъ также ничего не придумалъ особеннаго къ устраненію этого недостатка. Онъ поставилъ только, чтобы мастера учили учениковъ своихъ по крайней мѣрѣ тому, сколько сами умѣютъ. Мы показали выше, что за лица поступали въ сельскій причтъ, особенно въ XVI и XVII в. в. Вотъ что, между прочимъ, говорить одинъ изъ такихъ, непризванныхъ и нисколько неподготовленныхъ къ своему званію причетниковъ, сдѣлавшійся впоследствии священникомъ: „Кромѣ буквара, часослова и псалтыря я ничему не учился, о грамматикѣ я не слыхалъ, какъ ей учатся, а смотря на нее, считалъ ее иноязычною. Риторики я не пробывалъ, а философіи и въ глаза не видалъ, и съ мудрыми мужами и на дорогѣ не встрѣчался“ (в). Что уже и говорить о тѣхъ сельскихъ невѣждахъ, тѣхъ *блудыхъ изъ рабства и крестьянства попалъ*, которые, по сло-

(а) А. Ист. стр. 146.

(б) Стогл. гл. 21, 27.

(в) Описан. Рум. Музеум. № 411. Духовная Бесѣда за 1858 г.

вамъ Собора 1667 г. „ниже скоты пасти умѣють, колыми паче людей“ (*). А такихъ невѣжественныхъ поповъ къ концу XVII в. и началу XVIII в. оказалось чрезвычайно много, и не только въ селахъ, но въ городахъ и въ столицахъ. Вотъ что говоритъ Посошковъ о невѣжествѣ современныхъ ему поповъ: „видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ея заданья отвѣта здраваго дать не умѣлъ; что же можетъ рещи сельскій попъ, иже и вѣры христіанскія на чемъ основана, не вѣдаетъ?“. Весьма естественно, что такіе невѣжественные священники придерживались народныхъ суевѣрій и участвовали, какъ сказано даже въ Духовномъ Регламентѣ Петра Великаго, „въ вредныхъ церемоніяхъ, которыя ведутъ людей въ явное и стыдное идолопоклонство.“ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по указанію регламента, хранились напр. слѣды стариннаго поклоненія деревьямъ, священному дубу—дереву Перуна: „попы съ народомъ молебствовали предъ дубомъ и вѣтви онаго дуба попъ народу раздавалъ на благословеніи. Когда иѣтъ свѣта ученія, сказано въ томъ же регламентѣ, нельзя быть доброму въ церкви поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздоромъ и пребезумнымъ ересямъ.“

При такомъ изумительномъ невѣжествѣ и малообразованности, при такомъ непониманіи христіанской вѣры и своего высокаго назначенія, сельскіе пастыри не могли научить своихъ прихожанъ вѣрѣ и христіанской жизни. Проповѣдь, какъ единственное къ тому средство, вовсе не была слышна въ древне-русскихъ сельскихъ приходахъ. Сельскіе пастыри не только не составляли своихъ проповѣдей, но не читали поученій отцовъ церкви, назначенныхъ для чтенія во храмѣ. Даже въ 1636 году, когда проповѣдническая литература съ Ю. Запада перешла уже и въ Великороссію и породила множество проповѣдниковъ въ

столичныхъ и провинціальныхъ городахъ, въ селахъ не слышно было никакой проповѣди. Въ 1636 году патріархъ Іоасафъ жаловался, что „чтенія, какія учительны почитати на праздники, учительныя народамъ евангелія и иныхъ св. апостоль и святоотеческія писанія, то все попы оставляють, а православнымъ христіанамъ то ничего не прочитають, а которыя чести хотящимъ они также возбраняють, рекуще поздняго ради времени, и таковыя ради лѣности ни въ воскресные дни и ни на праздники учительныя евангелія и св. отецъ поученія и житія отъ лѣнливыхъ священниковъ на заутреняхъ вообще оставляемы бывають, но приходящіе бо люди, православные христіане, исходятъ изъ церкви Божіей, яко гладни, иже бо слова Божія прочитаемаго и св. апостоль и св. отецъ поученія и житія не слышаще и заповѣдей Божіихъ и св. отецъ преданія не доумѣвающе твориша, и видя то христіане въ церквахъ Божіихъ и въ цаставницѣхъ неисправленіе и отъ того имъ смущается умъ и скудѣветъ вѣра.“ (*) Димитрій Ростовскій такъ говоритъ о своемъ времени: „Оле окаянному времени нашему, яко отнюдь небрежно сѣянiе слова Божія, весьма оставися слово Божіе; сѣяте ли не сѣють, а земля не принимаетъ; іереи небрегутъ, а людiе заблуждаютъ; іереи не учатъ, а людiе невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а людiе не слушаютъ, ниже слышатъ хотять.“ У сельскаго народа, какъ мы сказали выше, было особое міросозерцаніе, совершенно противоположное христіанскому воззрѣнію на міръ Божій; у него былъ особый кодексъ нравственныхъ правилъ, совершенно не согласный съ строгими христіанскими правилами, особыя закоренѣлыя привычки и пороки, не терпящіе обличенія. Вотъ почему онъ не хотѣлъ слышать новаго, непонятнаго для него вѣрученія, новыхъ, слыш-

[a] А. З. т. III № 264.

комъ строгихъ христіанскихъ заповѣдей, и не хотѣлъ терпѣть обличенія своихъ закоренѣлыхъ поступковъ и привычекъ. Это нежеланіе прихожанъ слушать церковныя поученія было одною изъ главныхъ причинъ отсутствія ихъ въ древне-русскихъ сельскихъ приходяхъ, при всей способности и особенной ревности сельскихъ пастырей къ наставленію своихъ прихожанъ въ христіанской вѣрѣ и благочиніи, къ удержанію ихъ отъ грубыхъ суевѣрій и пороковъ. Вотъ что говорить, между прочимъ, одинъ изъ ревне-русскихъ священниковъ Пермской области: „жители страны сея весьма исполнены невѣжества, и по своему невѣжеству порицали и укоряли меня, противодѣйствовали мнѣ, смѣялись надо мною и называли всякими обидными именами; всѣмъ я былъ камнемъ преткновенія, всѣ другъ друга подговаривали не слушать моего ученія, думая, что я ввожу новости. Были у насъ, говорили они, и прежде священники добрые и честные, а такъ не дѣлали, жили по просту и мы были въ изобиліи. А это откуда вводитъ странное? Такъ испотворчествованы, прибавляетъ онъ, на злобу жители здѣшняго мѣста. А все это испотворчествовали священники, прежде меня бывшіе и теперь живущіе. Не порицаю ихъ, за чѣмъ они такъ дѣлали“..... Да и порицать было нельзя. Сельскіе священники, какъ мы видѣли выше, вполне зависѣли отъ своихъ прихожанъ и по необходимости должны были потворствовать желаніямъ прихожанъ. За каждое непріятное слово, за каждое строгое обличеніе и наказаніе ихъ грубыхъ поступковъ священники могли лишиться всякихъ средствъ къ жизни и даже мѣста. Эта полная зависимость священниковъ отъ прихожанъ была второю причиною отсутствія проповѣдей въ древне-русскихъ сельскихъ приходяхъ, или, покрайней мѣрѣ, безуспѣшности ихъ. Во второй половинѣ XVII в. во Псковѣ усилилось страшное воровство и грабительство; одинъ

приходскій священникъ вздумалъ вооружиться обличеніемъ противъ такихъ возмутительныхъ пороковъ и поудержать отъ нихъ своихъ прихожанъ. Обличенія и угрозы раздражили своевольныхъ прихожанъ, и они вмѣсто одного тягла, платимаго священникомъ за тяглое дворовое мѣсто, наложили на него двойное тягло, превышающее всѣ его доходы, такъ что ему не было возможности жить болѣе въ своемъ приходѣ (а). Въ грамотѣ Алексѣя Михайловича Верхотурскому воеводѣ, послѣ перечня суевѣрій и предразсудковъ Сибирскихъ людей, сказано: „а отцевъ духовныхъ по приходамъ поповъ наказаній они не слушаютъ и за наказаніе отцемъ духовнымъ, попамъ и учительнымъ людямъ поруганіе, укоризну, безчестіе и налоги дѣлаютъ“ (б). Нечего уже и говорить о сельскомъ духовенствѣ крѣпостномъ, которое и по поступленіи на церковныя должности, какъ мы видѣли, оставалось въ крѣпостной зависимости или по крайней мѣрѣ обязано было всѣми матеріальными средствами своимъ владѣльцамъ-помѣщикамъ. Оно еще болѣе стѣснено было въ своемъ вліяніи на прихожанъ, и въ своихъ духовныхъ наставленіяхъ и церковныхъ порядкахъ, вполне приноравливалось ко вкусу господъ своихъ. Последніе поступали съ ними еще деспотичнѣе, чѣмъ сельскія общины съ своимъ причтомъ. Здѣсь на долю ихъ оставалось, по крайней мѣрѣ, право свободнаго перехода,—для улучшенія своего положенія причетники могли перемѣнять свои мѣста; но при крѣпостной зависимости, развившейся особенно къ концу XVII в., не было возможности перемѣнять свои мѣста. Всѣ возмутительные анекдоты о деспотическомъ обращеніи помѣщиковъ съ своимъ сельскимъ причтомъ, обращеніи доходящемъ до сѣченія на конюшнѣ самыхъ даже священниковъ, имѣютъ за собою историчес-

(а) Ак. Экспедиц. т. IV № 52.

(б) А. И. т. IV. стр. 125.

кую достовѣрность и основаны на полной зависимости причетниковъ отъ помѣщиковъ. Помѣщики юзападнаго края били розгами и плетями своихъ священниковъ, считали ихъ за своихъ холоповъ и это все было очень недавно, даже въ настоящемъ столѣтїи. (а)

Н. Виноградовъ.

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ,

Огюста Николя.

XVI.

ВНѢ ЦЕРКВИ НѢТЬ СПАСЕНІЯ.

А. О непоступности Церкви.

Непоступность (intolerance) есть законъ изъ всѣхъ законовъ необходимѣйшій, основное условіе бытія съ первой его минуты для всего, что ищетъ и имѣетъ задатки продолжать свое существованіе. Раскроемъ это положеніе.

Не только въ обществахъ человѣческихъ, но и во всей природѣ все сущее держится въ бытіи и жизни не иначе, какъ своими законами. Каждое существо имѣетъ свой законъ, свой образъ бытія, собственно ему свойственный, въ силу котораго оно продолжаетъ свое существованіе неизмѣнно, остается тѣмъ, что оно есть. Очевидность этого такова, что эту истину надобно принять за аксіому. Равнымъ образомъ надобно также принять и то, что идея закона заключаетъ въ себѣ идею его святости и неприкосновенности. Кто изрекаетъ законъ, тотъ изрекаетъ повелѣніе и угрозу, окончательнымъ слѣдствіемъ которой бываетъ лишеніе права, или кара. Законъ, который можно было бы по своему произволу исполнять, или нарушать и отвергать безнаказанно, не былъ бы вовсе закономъ. Всѣ опредѣленія закона запечатлѣны этой идеею необходимости и твердой власти его. «За-

конь, говоритъ Цицеронъ, отличается существеннымъ свойствомъ *повелевать* или *запрещать*. «Законы, по опредѣленію Монтеスキю, суть *необходимыя* отношенія, вытекающія изъ природы вещей.»

Если такимъ образомъ *необходимость* есть существенное свойство закона, и если законъ есть природная собственность бытія всякаго существа, такъ что нельзя и представить ни одного существа безъ его закона, а его закона безъ необходимости; то отсюда вытекаетъ твердое заключеніе, что всякое существо носитъ въ самомъ себѣ собственную необходимость бытія, съ отнятіемъ которой оно погибаетъ или его погубляютъ; это и есть законъ непоступности.

Пересмотрите все доступныя вашему познанію законы, физическіе или нравственные, естественные или, положительные, гражданскіе или церковные, и скажите, можете ли вы сохранить за собою пользованіе предметомъ съ изъятіемъ этого предмета изъ подъ вліянія законовъ, относящихся къ его благобытію, и не погибаетъ ли этотъ предметъ самъ по себѣ или для васъ съ той самой минуты, какъ вы разрушили бы законы его существованія? Постройте домъ безъ соблюденія взаимнаго уравновѣшенія частей его, и домъ разрушится; допустите поступокъ, противный естественному нравственному закону, и вы потеряете спокойствіе совѣсти, понесете неощутимую утрату въ сознаніи собственнаго достоинства; преступите законъ положительный, и вы лишитесь вашего права, ограждаемаго этимъ закономъ; не соблюдайте даже законной формальности, и ваши документы признаны будутъ недействительными. Такимъ образомъ вездѣ, и внутри и внѣ васъ, какъ въ обществѣ,

такъ и въ природѣ, вы встрѣчаетесь съ закономъ *непоступности*, и этимъ-то закономъ поддерживается порядокъ, равновѣсіе и гармонія во вселенной, ибо если бы каждое существо не было защищаемо противъ другихъ существъ, или противъ самого себя необходимостію законовъ своего существованія, внезапно послѣдовало бы всеобщее смятеніе и разрушеніе. Далѣе, святость и неприкосновенность законовъ, поддерживающихъ устройство всякаго существа и предмета, что мы называемъ закономъ *непоступности*, находится въ связи съ ихъ природою и цѣлію, такъ что нарушеніе этого закона, очевидно, должно сопровождаться лишеніемъ той пользы, какую предназначено каждому существу приносить, когда его существованіе бываетъ въ соотвѣтствіи съ его законами. Какую, на примѣръ, пользу предназначено приносить закону тяготѣнія? Это—твердость и равновѣсіе тѣлъ, поставленныхъ на основаніи этого закона во взаимныя отношенія. Какая же потеря произойдетъ, когда нарушается этотъ законъ? Потеря твердости и равновѣсія. Тоже надобно сказать и относительно законовъ совѣсти, общества гражданскаго и др.

Отсюда мы можемъ перейти къ приложенію, непосредственно касающемуся нашего предмета.

Въ чемъ состоитъ сущность и цѣль Христіанской Религіи? Въ *спасеніи* чловѣка отъ его несчастнаго и жалкаго состоянія подъ грѣхомъ, проклятіемъ и смертію, и въ возстановленіи его отношеній къ Богу. Какая же участь должна постигнуть того, кто поставяетъ себя внѣ этой Религіи? Очевидно, онъ останется тамъ, гдѣ самъ себя поставяетъ, т. е. внѣ должныхъ отношеній къ Бо-

гу, *въ спасенія*. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ оправданію въ сущности нашего главнаго положенія: *въ Церкви нѣтъ спасенія*. Для поясненія этого оправданія мы обращаемся къ здравому смыслу *человѣческому* съ слѣдующею дилеммою: или дѣйствительно существуетъ истинная религія, т. е. какъ вѣрное средство къ возстановленію должныхъ отношеній *человѣка къ Богу*, или вовсе такой религіи нѣтъ. Если ея нѣтъ, тутъ уже все сказано: возбужденіе вопроса о ея рѣшительной непоступности не имѣетъ смысла, ибо это значило бы вести споръ объ *образѣ бытія* вещи, *вовсе не существующей*. Если же такая Религія существуетъ, въ такомъ случаѣ укорять ее за догматъ о *спасеніи*, *исключительно ея даруемомъ*, значитъ впадать въ нелѣпость; потому что какъ эта Религія по сущности своей *исключительно есть путь спасенія*, то добиваться спасенія *въ ея значіи* бы отказывать ей въ *дѣйствительности ея существованія*, которое *однакожь не допускается*.

Такимъ образомъ, когда Руссо устами своего *викарія — невъзжи* направляетъ противъ Церкви трогательное обращеніе: *да не дай Богъ, чтобы я когда нибудь проповѣдывалъ людямъ суровый догматъ нетерпимости*, онъ самъ себя ставилъ въ самое неловкое положеніе; это все равно, какъ бы онъ сказалъ: *не дай Богъ, чтобы я когда нибудь проповѣдывалъ религію, которая была бы истинная*. Ибо Религія истинная, которая, еще разъ повторяемъ, составляетъ союзъ, соединяющій *человѣка съ Богомъ*, не можетъ *уступать* разрыва этого союза, безъ измѣны своему собственному назначенію; такая уступчивость съ ея стороны была бы равносильна отреченію отъ *собственнаго су-*

ществованія. Следственно, исполнѣ необходимо рѣшиться на что нибудь одно—или отрицать истинность Христіанской Религіи, или признать за нею рѣшительную непоступность.

Впрочемъ, прошу воздержаться съ поспѣшными предубѣжденными сужденіями о строгости этого послѣдняго вывода, смыслъ котораго такъ много извращаютъ. Очистить это положеніе отъ всего, что приписывается ему несправедливаго и ненавистнаго, мы постараемся въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же считаемъ нужнымъ только замѣтить, что мы намѣрены говорить не о нетерпимости *гражданской*, а о непоступности собственно *религіозной, духовной*; притомъ и о сей послѣдней говоримъ только какъ о *началѣ*, съ тѣмъ чтобы послѣ изслѣдовать законы приложенія этого начала.

Предъявленіе Церкви, что внѣ ея нѣтъ спасенія, есть предъявленіе самаго Иисуса Христа. Ни одна религія, кромѣ Христіанства, не имѣла сознанія своей собственной истинности,—это обстоятельство очень замѣчательно и само собою доказываетъ истинность Христіанства. Разныя религіи очень могли вступать въ состязаніе между собою о землѣ, но о небѣ онѣ даже и не думали спорить; хотя, поистинѣ, на небѣ должны стоять престолы ихъ владычества. Въ этомъ отношеніи у нихъ не было ничего исключительнаго, потому самому, что онѣ не обладали чистою истиною, и терпѣли другъ друга взаимною снисходительностію къ собственнымъ глупостямъ и заблужденіямъ. Иисусъ Христосъ впервые выказалъ во всеуслышаніе слѣдующую истину: *царство Мое не отъ міра сего*; и тѣмъ самымъ положилъ основаніе *снисходительности* (tolerance), въ гражданскомъ отношеніи, и

свободѣ совѣсти предъ царями земными. Но Онъ сказалъ также. *Я есмь путь и истина и жизнь: никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня;* и тѣмъ самымъ положилъ основаніе непоступности въ религиозно-духовномъ отношеніи, относительно преданности христіанской истинѣ и религиозной искренности предъ Богомъ.—Благочестивый и глубокомысленный авторъ «*Подражанія Іисусу Христу,*» изъясняя послѣднія слова Спасителя, говоритъ: «безъ пути невозможно идти, безъ истины невозможно познавать, безъ жизни не возможно жить.» Удаленнымъ отъ Бога, каковы мы на самомъ дѣлѣ, нуженъ путь, по которому бы можно было приближаться и приходиться къ Нему; нужно откровеніе Его истины, при помощи которой можно было бы намъ познавать Его; но существенное свойство пути, равно какъ и истины, состоитъ въ томъ, что, какъ бы ни представляли его широкимъ и удобнымъ, онъ долженъ имѣть свои предѣлы, долженъ быть опредѣленный со всѣхъ сторонъ, и въ этомъ смыслѣ онъ исключаетъ все, что ни встрѣчается на немъ, все, что не онъ. Какъ скоро оказывается возможнымъ спастись помимо извѣстной религіи, эта религія, значить, нисколько не рѣшаетъ, не касается даже вопроса о спасеніи, и своею бесполезностію сама себя уничтожаетъ. Равнымъ образомъ, если по системѣ всеобщей и безусловной вѣротерпимости нѣтъ такой религіи, въ которой не возможно было бы спастись; то окончательное слѣдствіе этой системы заключается въ уничтоженіи всякой религіи. Такимъ образомъ, не желая воспользоваться спасеніемъ, даруемымъ исключительно одною Религіею, отнимаютъ у людей всякое дѣйствительное средство къ спа-

сенію, и, отвергая суровый догматъ непоступности, предають землю во сто кратъ больше суровому и разрушительному владычеству нечестія.

Въ избѣжаніе этого послѣдняго вывода, на какой бы кто ни остановился ступени религіознаго вѣрованія, неизбѣжно требуется опереться на признаніи исключительной непоступности своего вѣрованія. Если католикъ говорить, что внѣ римской церкви нѣтъ спасенія; то и протестантъ долженъ утверждать, что внѣ вѣры въ Иисуса Христа нѣтъ спасенія, и въ свою очередь даже деистъ долженъ также утверждать, что внѣ религіи естественной нѣтъ спасенія: и это совершенно логично; безъ этого никто не могъ бы быть ни деистомъ, ни протестантомъ, ни римскимъ католикомъ. Одинъ только атеистъ могъ бы быть суждѣ подобной исключительности, потому что ничтожество не исключительно, если только впрочемъ это не совершенная пустота и могила всякаго бытія.

Впрочемъ укору въ нетерпимости высказываются только противъ римско-католической церкви; и, замѣчательно, это дѣлается противъ нея протестантами и деистами, которые, въ этомъ случаѣ, составляютъ одинъ хоръ съ атеистами, какъ будто бы они сами и не сознають нужды ссылаться на подобное же ученіе о своей собственной исключительности для своего самосохраненія и для отличія, отъ всецѣлой безрелигіозности и нечестія сихъ послѣднихъ. Отъ чего же происходитъ такая непослѣдовательность, если не отъ того, что не имѣя твердости, постоянно колеблясь въ своихъ вѣрованіяхъ, всѣ они болѣе или менѣе принимаютъ участіе въ закорѣнеломъ нечестіи, признающемъ за непримиримаго врага себѣ церковь като-

лическую, которой они такимъ образомъ отдають блестящую честь, и не подозрѣвая того.

Предоставимъ одному изъ протестанскихъ пасторовъ выставить яснѣе эту непослѣдовательность.

«Прежде всего, говорить онъ, по всей справедливости надобно признаться, что укоръ въ нетерпимости можетъ быть обращенъ ко всемъ христіанамъ, а не къ однимъ только римскимъ католикамъ, къ которымъ онъ въ настоящее время обращается почти исключительно. Когда католики говорятъ, что внѣ ихъ церкви нѣтъ спасенія, они высказываютъ не иное что, какъ то же, чего держатся и всѣ вообще христіане, когда утверждаютъ, что вѣра, требуемая Христіанскою Религіею, необходима для спасенія. Ибо почему католики заявляютъ притязаніе, что внѣ ихъ церкви нѣтъ спасенія, если не потому, что они убѣждены, что въ этой одной церкви находится истинная вѣра и предполагаемое ею чистое и совершенное познаніе Христіанской Религіи?... И такъ христіане протестантскаго исповѣданія могутъ полагать и доказывать, что католики обманываются, допуская въ Религію Христіанскую не принадлежащія къ ней предметы; но не имѣютъ права порицать ихъ за то, что они смотрятъ, какъ на необходимое для спасенія, на все то, что, по ихъ вѣрованію, составляетъ принадлежность Христіанской религіи. Это значило бы, повторю опять, укорять ихъ за то, что составляетъ ихъ самихъ. По самому существу дѣла не легче доказать, что для спасенія необходима простая вѣра въ Иисуса Христа, какъ и показать ту же необходимость по отношенію къ дѣйствительному пришествію дѣла и крови Христовыхъ въ

Евхаристіи, по отношенію къ исповѣди и ко всѣмъ другимъ догматамъ католическаго вѣроисповѣданія. Самое начало необходимости для спасенія особенной вѣры не близко къ пониманію всѣхъ людей, а болѣе или менѣе обширное содержаніе этой вѣры составляетъ истинное затрудненіе въ рѣшеніи разсматриваемаго вопроса. Вѣрить, что милліоны людей лишаются спасенія потому только, что не вѣровали тому, о чемъ не имѣли почти возможности знать, для разума было бы не болѣе противно, какъ допускать тотъ же фактъ по отношенію къ одному человѣку. Итакъ наступитъ наконецъ время, когда христіане разныхъ исповѣданій перестанутъ дѣлать другъ другу то, чего не желали бы, чтобъ имъ дѣлали другіе, обращаясь одни къ другимъ съ упрекомъ, который умѣстенъ только въ устахъ враговъ Христіанства, относящихъ его ко всѣмъ христіанамъ. Наступитъ время, когда христіане больше будутъ стараться о томъ, чтобы всѣмъ соединиться, чтобы ослабить и уменьшить трудности разсматриваемаго вопроса, усугубляя ревность о сокращеніи числа не-христіанъ, равно какъ выставляя въ истинномъ его свѣтѣ и назначая должные предѣлы самому правилу, служащему предметомъ возраженій, а иногда и упрековъ, съ которыми они обращаются другъ къ другу.» (*)

— Эта рѣчь, столько проникнутая разумною искренностію и теплотою любви, можетъ сдѣлать разсматриваемую истину понятною для умовъ самыхъ предубѣжденныхъ и даже въ самомъ авторѣ предполагаетъ расположеніе и готовность прини-

(*) Quelques reflexions sur la maxime chrétienne: hors de l'Eglise il vn' y a point de salut; par ministre protestant. Broch. in 8, Paris, Belin—Mandar, 1827.

мать ее всецѣло въ ея истинномъ смыслѣ и значеніи. (*)

Протестанство, впрочемъ, оправдываетъ истинный смыслъ и значеніе Христіанской непоступности крайностями заблужденій и нечестія, въ которыя повергло своихъ сторонниковъ, и само сдѣлалось виновнымъ по отношенію къ нимъ въ непростительной нетерпимости, клонящейся къ подавленію въ нихъ самой вѣры.—Предоставимъ опять протестанту же высказать и эту истину:

«Понятнѣ очень странно предполагать, что можетъ быть два истинныхъ вѣроисповѣданія. Это никакъ невозможно; и потому необходимо допустить, что одно изъ двухъ должно быть ложно. Какой же

(*) Въ тойже брошюрѣ читаемъ: „Вотъ почему въ наши времена католицизмъ мало по малу вновь привлекаетъ къ себѣ мѣстности, которыя было потерялъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Протестанты начинаютъ примѣчать, — что ускользнуло и должно было ускользнуть отъ вниманія ихъ гредковъ,—то, что новый авторитетъ видимый, который поставленъ реформаторами на мѣсто авторитета церкви католической, есть только авторитетъ призрачный; что предоставленіемъ права каждому вѣрующему, изъяснять книги свящ. Писанія по своему личному разумнѣю, каждый оказывается на произволь собственнаго разума; что чрезъ это оказано, такъ сказать, пристрастіе къ сомнѣніямъ, колебаніямъ и измѣнчивымъ мнѣніямъ разума человѣческаго, такъ что священныя книги уже не въ состояніи удовлетворить потребностямъ вѣры, которая, какъ мы сказали, состоитъ во внутреннемъ расположеніи нашего духа, заставляющемъ насъ искать руководителя, относительно предметовъ религіи, въ авторитетъ, который бы ясно и рѣшительно говорилъ намъ, во что мы должны вѣровать и что дѣлать.“ (*)

человѣкъ осмѣлится сказать, что должно согласиться на такую умѣренность, которая, по необходимой послѣдовательности, должна производить безконечное число въроисповѣданій? Если наше вѣчное спасеніе основывается на нашей вѣрѣ въ истину, то разумно ли принуждать народъ къ тому, чтобъ онъ имѣлъ *многія* въроисповѣданія? Не разумнѣе ли здѣсь употреблять усилія къ тому, чтобы возстановить для него главу Церкви?» (*)

Такимъ образомъ укоръ въ нетерпимости противъ Церкви со стороны протестанства заключаетъ въ себѣ двойное противорѣчіе; потому что само протестанство въ этомъ случаѣ опирается на сугубой нетерпимости, внешней и внутренней. По внешнимъ отношеніямъ его нетерпимость выражается въ осужденіи на лишеніе спасенія всѣхъ несогласныхъ съ нимъ въ христіанскихъ вѣрованіяхъ, каковымъ осужденіемъ оно имѣетъ право и обязанность гнѣть только противъ действующихъ и невѣрующихъ. По внутреннимъ же отношеніямъ его нетерпимость выражается въ разрушенія вѣры, на что осуждаетъ оно своихъ послѣдователей отнятіемъ у нихъ законнаго авторитета Церкви, служащаго основаніемъ спасительной вѣры. Разность между тою и другою нетерпимостию протестанства заключается въ томъ, что нетерпимость послѣдняго рода положительно преступна и несравненно хуже нетерпимости перваго рода по своему нравственному характеру, такъ какъ она собственно возстаетъ противъ истины и дѣлаетъ поблажку всякому заблужденію.

Но есть противорѣчіе еще болѣе чудовищное:

(*) William Cobbett, Reforme protestante, Lettre 3. n. 86.

на него нельзя иначе смотрѣть, какъ развѣ на справедливое наказаніе, естественно вытекающее изъ непреложныхъ требованій разума человѣческаго, которыя никогда не позволяютъ оскорблять и попирать ихъ безнаказанно. Тоже самое перо, которымъ противъ Церкви написаны слѣдующія приторно лицемерныя строки: «не дай Богъ, чтобъ я когда нибудь проповѣдывалъ людямъ суровый догматъ нетерпимости», — не было ли доведено до того, что имъ же были написаны еще болѣе суровыя и кровавыя рѣшенія? Тотъ же Руссо пишетъ: «не имѣя права обязывать кого либо вѣровать въ члены вѣроисповѣданія Христіанскаго, принимаемые извѣстною страной, верховная власть *можетъ изгонять изъ государства* всякаго, кто не вѣруетъ въ нихъ... Если бы кто, послѣ общенароднаго признанія тѣхъ же догматовъ, *велъ себя, какъ невѣрующій* въ нихъ, тотъ долженъ быть казненъ смертію». (*) Рѣшеніе дикое, послужившее причиною осужденія многихъ пастырей на изгнаніе или смертную казнь за то, что не хотѣли дѣлать насиліе своей совѣсти въ угоду *гражданскаго постановленія о клиръ!* Имъ оправдывается рѣзкое замѣчаніе Беньяминъ-Константа, который говоритъ: «я не знаю другой системы рабства, освящающей самыя пагубныя заблужденія, кромѣ вѣчной метафизики гражданскаго контракта.» (**).

Совершенно иного духа, какъ мы увидимъ, непоступность Церкви истинной. Она отличается отъ этой нетерпимости Руссо на столько же, на сколько сердце истинной матери отличается отъ серд-

(*) j. j. Rousseau. Contrat social, liv. IV, ch. VIII.

(**) Cours de politique constitutionnelle, t. VIII, p. 329.

ца злой мачихи. Какъ бы ни было, однакожь, неприятель приведенный примѣръ, по отношенію къ Руссо, онъ еще очень хорошъ, потому что онъ у него же заимствуется, и его достаточно для того, чтобы по началу подтвердить наши соображенія и доводы, относительно необходимости и некоторой непоступности въ дѣлѣ Христіанской Религіи, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, необходимости, подтверждаемой даже чудовищнымъ злоупотребленіемъ, до какого только можно дойти, выходя изъ того же начала, послѣ того, какъ его же отвергли.

Начало непоступности, неразлучное съ бытіемъ каждой вещи, какъ законъ ея законнаго существованія и охрана ея назначенія, въ Религіи истинной необходимо облекается характеромъ *догматически безусловнымъ*.

Теперь мы считаемъ уже умѣстнымъ представить существенное отличіе этого христіанскаго начала. Непоступность христіанской истины не есть какая либо нетерпимость, воходящая на все то, что привыкли называть этимъ именемъ. Надобно же наконецъ войти въ разсмотрѣніе этого: отличительный характеръ этой непоступности состоитъ въ томъ, что она исключительно *догматическая* и *религіозно-духовная*, т. е. исключительно ограничивается кругомъ отношеній вѣрующей души къ Богу, или союзомъ души съ Богомъ. По этому было бы святотатственною погрѣшностію смѣшивать эту непоступность съ какими либо видами нетерпимости земной и временной, съ нетерпимостію, на примѣръ, философскою, гражданскою, общественною, каковыми видами нетерпимости люди добиваются присвоить и удержать за собою исключительно достоинство и власть надъ другими, со-

стоящая во власти одного Бога. Христианская Религия не только не одобряет и не поддерживает всѣхъ этихъ видовъ нетерпимости, а напротивъ, осуждаетъ и отвергаетъ ихъ; мало того, она даже внушаетъ и поражаетъ противоположныя имъ добродѣтели: терпимость философскую, гражданскую, общественную, челоуѣколюбіе, снисходительность, свободу. — Все это объяснится послѣ; въ настоящемъ мѣстѣ мы стараемся единственно выставить, какъ фактъ, то, что христианская непоступность нами защищаемая, есть единственно и исключительно *догматическая*.

Независимо, впрочемъ, отъ тѣхъ общихъ доказательствъ, которыми доселѣ мы старались утвердить необходимость христианской непоступности, она въ частности оправдывается тѣми особыми соображеніями, какія намъ остается изложить здѣсь.

Всѣ другія религіи, не исключая даже и христианскихъ сектъ протестантства, такъ тѣсно связываются съ обыкновенною властію челоуѣка, что составляютъ съ нею одно, и ограничиваются земными и временными предѣлами разныхъ національностей. По ихъ духу и ученію кидарь первосвященнической и корона царская нераздѣльно украшаютъ одну и ту же голову; и пространство ихъ символа очерчено и охраняется мечемъ завоевателей. О томъ, что касается другаго міра и внутреннихъ истинныхъ отношеній души къ оному міру, эти религіи никогда не имѣли и не имѣютъ большихъ заботъ: ихъ *догматическая* вѣротерпимость превосходитъ всякое сравненіе; онѣ свободно провозглашаютъ, что не имѣютъ права обязывать кого либо въроватъ въ вѣроисповѣдныя членья религіи, принимаемой известною страной. Можно ли найти

и придумать больше вѣротерпимости? Но погодите: за то *гражданская* нетерпимость въ этихъ религіяхъ тѣмъ болѣе жестока; и не одинъ уже Сократъ испыталъ на себѣ всю тяжесть этого приговора: если кто ведетъ себя какъ невѣрующій въ нихъ, тотъ долженъ быть казненъ смертію. Наружная благовидность, а не внутреннія вѣрованія души, грубая сила, а не кроткое вліяніе истины, — таковы цѣли этихъ религій, таковы ихъ и средства; и къ ихъ то нетерпимости нужно отнести слѣдующее изреченіе поэта: «нетерпимость, это дочь ложныхъ боговъ.»

Христіанская Религія представляетъ обратно зрѣлище. Тогда какъ прочія религіи имѣютъ предметомъ своимъ жизнь и дѣятельность внѣшнюю, истинно-Христіанская Религія обращаетъ преимущественное вниманіе на внутреннюю жизнь чело-вѣка. Вполнѣ независимая отъ обстоятельствъ и интересовъ времени и мѣста, она одинаково существуетъ во всѣхъ странахъ и во всѣ вѣка. Для нея существуетъ только одно царство, которое не отъ міра сего. Ея представители — люди самые обыкновенные, не отличающіеся особеннымъ значеніемъ государственнымъ и общественнымъ: они поднимаютъ руки свои только для того, чтобы низводить благословеніе, или если и поражаютъ кого, то не ударами и мечемъ, а сло вомъ обличенія и запрещенія, исполненнымъ духа и силы. Эта религія проповѣдуетъ и обличаетъ съ самоотверженіемъ, твердостію и готовностію страдать и прощать. У властелиновъ міра сего она требуетъ только одного — свободы; а если ей отказываютъ въ томъ, она удерживаетъ ее за собою мученичествомъ. Предоставляя людямъ обузданіе безпокойныхъ дѣйств-

вій, она предполагаетъ себѣ одну задачу — преобразование душъ, и съ этою цѣлю дѣйствуетъ на нихъ не иначе, какъ подъ условіемъ согласнаго дѣйствія ихъ собственной воли. Въ брани, которую она допускаетъ, ничья кровь не проливается, кромѣ ея собственной, никакое оружіе не употребляется, кромѣ слова и примѣра, и плодомъ этой брани другаго завоеванія не бываетъ, кромѣ завоеванія для неба. *Препоясаніемъ* у нея служитъ истина, *бронейю* — праведность, *обувью* — благовѣствованіе мира, *щитомъ* — вѣра, *шлемомъ* — спасеніе, *мечемъ* — слово Божіе. (а) Живя въ области чисто нравственной и сверхъестественной, она назначаетъ себѣ и цѣли только нравственныя и сверхъестественныя. По видимому, она не имѣетъ ничего прочнаго и твердаго, ея средства, кажется, только воображаемыя, а между тѣмъ ни одна религія не обращаетъ къ вѣрѣ столько, какъ она, не пріобрѣтаетъ столько послѣдователей, преданныхъ ей умомъ и сердцемъ во всѣхъ странахъ и во все времяа.

Какимъ же образомъ можетъ она распространять свой плѣнь по всему лицу земли? Какою силою она можетъ быть приводима въ движеніе? Какая у нее можетъ имѣться точка опоры для такихъ нечислимыхъ дѣяній? Одна у нея сила, одна опора — это ея всецѣлое убѣжденіе въ истинности всего ею содержамаго и предлагаемаго; это сама истина, доведенная до ея высшей степени и силы убѣжденія, а потому и до исключенія противнаго; ибо всякое убѣжденіе само въ себѣ носитъ отрицаніе того, что съ нимъ не согласно и ему противорѣчитъ. Догматическая вѣротерпимость со-

---

(*) Ефес. 6, 14 — 17.

ставляетъ естественный плодъ неувѣренности и сомнѣнія; снисходительно относятся къ миѣніямъ другаго только потому, что сами не увѣрены въ своихъ собственныхъ миѣніяхъ; въ соотвѣтствіе другимъ раздѣляютъ ихъ заблужденіе, потому что не знаютъ въ точности, на какой сторонѣ истина. Только истинѣ и твердой вѣрѣ въ нее свойственно то рѣшительное одушевленіе, которое смѣло взрекаетъ анафему всякому миѣнію противоположному; и если бы вѣра въ истину не сопровождалась такимъ одушевленіемъ, еслибы она не изрекала осужденія противъ заблужденія, это уже было бы признакомъ ея шаткости и слабости, это показывало бы, что она сама отрекается отъ своего убѣжденія въ томъ, что она стоитъ въ истинѣ. И если бы Церковь Христова не опиралась, не стояла на такомъ убѣжденіи, — а другой точки опоры, какъ мы увидимъ, и не имѣется, — она послѣ этого отреклась бы отъ самой себя.

Въ настоящую пору нашего изслѣдованія вопросъ, — обратите на это полное вниманіе, — не въ томъ, чтобы увѣриться, точно ли Церковь оправдываетъ такое предъявленіе, (хотя не возможно понять, какимъ образомъ она могла бы совершить столько чудесъ, породить столько практическихъ жизненныхъ истинъ, еслибы это было одно только обольщеніе, и притомъ обольщеніе всемірное, осьмнадцать вѣковъ продолжающееся, и которому не видно еще конца!), но вопросъ въ томъ, не въ этомъ ли убѣжденіи въ своей истинности заключается цѣлостная сила ея существованія, и потому не значить ли для нее убитъ себя, сдѣлать себя въ собственномъ сознаніи виновною въ нетерпимости, въ которой укоряютъ ее, когда отнимается у нея

то, что она по необходимости должна имѣть исключительно?— Однимъ словомъ, точка опоры необходима для всякаго предмета, для всякаго существа и для всякой религiи; если нѣтъ ея на землѣ, она должна быть на небѣ; если она не въ силѣ, то должна быть въ истинѣ. Какъ только допущено существованiе религiи; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо допускать въ ней какой либо видъ непоступности, будетъ ли это нетерпимость гражданская, временная и измѣнчивая, или непоступность догматическая и религiозно-духовная; либо нетерпимость грубой силы, или твердая непоколебимость истины. Этого послѣдняго вида непоступность составляетъ достоянiе вселенской Церкви; ею одною Религiя Христова, распространившаяся повсюду, непоколебимо поддерживается во всей вселенной, и вмѣсто того, чтобы изъ этого выводить возраженiя и порицанiя противъ этой Религiи, мы должны бы признавать въ этомъ единственномъ условiи ея существованiя блестящiй признакъ ея Божественнаго достоинства.

Это умозаключенiе представится еще болѣе убѣдительнымъ, если мы изложимъ здѣсь еще одно соображенiе.

Религiя Христіанская, почерпающая, какъ мы это сейчасъ увидимъ, свою силу только въ сознанiи и убѣжденiи въ ея истинности, одна изъ веѣхъ религiй налагаетъ на природу человѣческую нравственныя узы, самыя тяжелыя и самыя многосложныя. Она одна, по крайней мѣрѣ въ высшей степени, чѣмъ какое другое учрежденiе нравственное и религiозное, какое бы ни было, окружаетъ душу предписанiями, самыми стѣснительными, строгими и многочисленными, противоположными веѣмъ

ея грѣховнымъ склонностямъ, дабы ихъ обузды-
 вать и подавлять. Естественно, противъ нея все
 въ человѣкѣ непріязненно, — и его разумъ, и его
 сердце, и его чувственныя потребности; потому
 что и она сама представляется какъ бы непріязнен-
 ною его разуму своими тайнами, его сердцу свои-
 ми правилами нравственными, его чувственнымъ
 потребностямъ своими обычаями и уставами отно-
 сительно благочестивыхъ подвиговъ. — Что же мо-
 жетъ перевѣшивать все эти неудобства и распо-
 лагать къ подчиненію всемъ этимъ строгостямъ,
 если не сознание ихъ необходимости и притомъ не-
 обходимости безусловной? — Представьте себѣ, что
 къ больному, котораго до сихъ поръ обманывали
 разные шарлатаны, приходитъ врачъ и говорить:
 «я намѣренъ для вашей истинной пользы предло-
 жить новое средство, хотя оно страшно, но дѣй-
 ствительно; вамъ надобно рѣшиться вытерпѣть
 ампутацію.» — Ампутацію!! ужели, кромѣ этой ужа-
 сной мѣры, нѣтъ другаго средства къ спасенію ме-
 ня отъ опасности? — Такой вопросъ неизбежно сор-
 вется прежде всего съ языка больного, и отвѣтъ
 врача рѣшить, стдастся ли больной вполнѣ его
 искусству, или рѣшительно воспротивится ему. Ес-
 ли врачъ скажетъ: извините, есть и другія средст-
 ва, и все они хороши; вы можете избрать для се-
 бя, какое вамъ угодно; можете даже не пользо-
 ваться ни однимъ, если это вамъ пріятнѣе. — Такъ
 что же это, возразить тогда больной, — или вы шу-
 тите, высказывая желаніе мучить меня для удо-
 вольствія и безъ необходимости; или вы человѣкъ
 вздорный, безтолковый, либо жестокий? Изъ ва-
 шихъ словъ я очень хорошо понимаю только то,
 что я человѣкъ погибшій: если все средства хоро-

ши, т. е. ни одного нѣтъ полезнаго для меня, въ такомъ случаѣ оставьте меня, не прибавляйте къ моему несчастному положенію бесполезныхъ мученій, и пусть я буду пользоваться возможностью заглушать сознание моей печальной участи развлеченіями и всеми удовольствіями, какія только найду для себя возможными.» — Таково же неизбѣжное слѣдствіе уничтоженія положенія: *внѣ церкви нѣтъ спасенія*. Христіанская Религія, дѣйствительно, говоритъ человѣку: «если око твое соблазняетъ тебя, исторгни его; если рука твоя, или нога твоя соблазняетъ тебя, отсѣки ихъ». Она представляетъ ему страшное орудіе позорной казни, и на немъ измученнаго, окровавленнаго и умерщвленнаго человѣка, и говоритъ: вотъ для тебя образецъ; надобно подражать ему, и также какъ онъ, предать себя кресту». Если бы вмѣстѣ съ этимъ Религія Христіанская говорила: «хотя предлагаемый тебѣ крестъ и все съ нимъ соединенное и полезны, но это не составляетъ неизбѣжной необходимости; ты имѣешь право думать объ этомъ, какъ тебѣ угодно; можно, и живя по турецки, или по язычески, устроить свое спасеніе такъ же надежно, какъ и подражая въ жизни и смерти Іисусу Христу; и путь удовольствій и наслажденій чувственныхъ, путь широкій и усеянный цвѣтами, не менѣе надежно приводитъ къ спасенію, какъ и путь самоумерщвленія и покаянія», — если бы, говорю, Религія Христіанская вмѣстѣ съ ученіемъ о крестѣ, говорила такимъ языкомъ, допускала подобнаго рода вѣротерпимость; она была бы въ высшей степени нелѣпностію, не составляла бы даже никакого ученія, а просто представлялась бы какимъ-то страннымъ и чудовищнымъ сбродомъ противо-

рѣчій и пустословій, которыя поспѣшили бы отвергнуть природа человѣческая и здравый смысл, дабы имѣть возможность безирепятственно слѣдовать мечтамъ и прихотямъ собственнаго ума и сердца.

Такимъ образомъ *догматическая* вѣротерпимость у Руссо примыкаетъ или къ нелѣпости, или къ уничтоженію Христіанской Религіи, а во всякомъ случаѣ къ самой жестокой нетерпимости. Если онъ добивается отъ этой Религіи вѣротерпимости, въ такомъ случаѣ, отвергая догматъ ея о спасеніи, ея исключительно даруемомъ, онъ превращаетъ ее въ какой-то громадной наборъ строгостей произвольныхъ, бесполезныхъ, невыносимыхъ, которыхъ нельзя оправдать никакою необходимостію. Если же онъ добивается испроверженія этой Религіи (это въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе очевидное послѣдствіе его системы); въ такомъ случаѣ,—по его собственному суду относительно другихъ философовъ,—«онъ отнимаетъ у несчастныхъ послѣднее утѣшеніе въ ихъ горестномъ положеніи, у сильныхъ міра сего и богачей—узду ихъ страстей; въ такомъ случаѣ онъ изъ сердца исторгаетъ съ корнемъ угрызенія совѣсти за преступленія, и отрадную надежду у добродѣтели; и онъ еще имѣетъ смѣлость хвалиться и объявлять себя благодѣтелемъ рода чельвѣческаго»!!

Итакъ нелѣпость, или жестокость—вотъ основаніе сантиментальной вѣротерпимости скептицизма; и наоборотъ, основаніе догматической непоступности Церкви глубоко лежитъ въ здоровомъ разумѣ и истинной любви.

«Я есмь путь, и истина и жизнь», говоритъ Господь Іисусъ Христосъ; если кто хочетъ идти

за Мною, отвергнешь себя, возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною»; и Онъ Самъ оправдалъ спасительность этого средства на дѣлѣ, добровольно пострадавъ и вкусивъ смерть за грѣхи наши, дабы въ Своемъ Лицѣ представить всему роду человѣческому и примѣръ и убѣжденіе въ необходимости для спасенія крестнаго злостраданія. И послѣ этого дерзаютъ ставить Ему въ укоръ то, что Онъ учитъ: «помимо силы Моей искупительной жертвы нѣтъ спасенія; въ Моей церкви,—хранительницы и раздавательницы спасительныхъ даровъ, приобрѣтенныхъ Моимъ самопожертвованіемъ, нѣтъ спасенія!» Не терпящимъ разномыслія бѣзываютъ великодушнаго друга, который добровольно страдаетъ и незаслуженно подвергается смерти, дабы убѣдить своего друга въ необходимости страданія! Пусть простой смертный, по снисхожденію къ самому себѣ, какъ Руссо, на свой собственный счетъ говорить: «не дай Богъ, чтобы я когда нибудь проповѣдывалъ суровый догматъ нетерпимости»;—это понятно; но когда Иисусъ Христосъ,—воплотившійся Сынъ Божій, всесвятый и всеблаженный (невѣрующій долженъ призадуматься надъ этимъ положеніемъ), содѣлался человѣкомъ поношенія и болѣзни для спасенія міра, ужели Онъ и послѣ этого не имѣетъ безспорнаго и непрерываемаго права говорить, что безъ Него, въ Его Церкви нѣтъ спасенія?! Нѣтъ, это правило въ Его устахъ—безспорно, есть слово истины и слово любви. Слово истины. Ибо для чего бы Онъ самъ прежде всего подчинился этой истинѣ, если бы она не была безусловно необходима? Для чего бы Ему сходить съ неба на землю, для чего бы терпѣть страданія и умирать на крестѣ, если бы возможно было намъ спастись и безъ Него, безъ Его

пособія, помимо Его искупительной жертвы? Въ такомъ случаѣ, по истинѣ, крестъ Его былъ бы безуміемъ!—Слово любви. Если бы Религія Христова не проповѣдывала повсюду во всеуслышаніе этого великаго предостереженія, сколько душъ осталось бы внѣ ея спасительной ограды, и потому безъ ея истины и безъ ея небесной помощи? Подобнаго рода вѣротерпимость съ ея стороны была бы смертоносна, тогда какъ ея строгость спасительна. Это—мать, разсыпающаяся въ угрозахъ, чтобы заставить дитя свое принять отвратительное лекарство, отъ котораго зависитъ его исцѣленіе; даже болѣе, она подобна матери, которая сама принимаетъ и проглатываетъ такое лекарство, для того чтобы потомъ передать его дитяти съ своимъ молокомъ. Это идеалъ любви.

Такимъ образомъ, нападая на Религію Христіанскую за ея положеніе: *внѣ церкви нѣтъ спасенія*, нападаютъ на ея Основателя и на самое снованіе ея, т. е. на самаго Иисуса Христа и притомъ нападаютъ на то, въ чемъ въ Его лицѣ открылась высочайшая степень Его Божественнаго *долготерпѣнія* и любви,—на Его крестъ; ибо на крестъ Онъ самъ написалъ это правило собственной кровію. Чрезъ это наносимая Ему теперь язва оказывается болѣе жестокою и болѣе богоубійственною, чѣмъ язва, нанесенная Ему Иудеями распинателями; ибо это значитъ высказывать, что крестныя Его страданія были бесполезны и что ученіе, изъ нихъ вытекающее, нестерпимо.

Чтобы перейти къ соображеніямъ основаннымъ не на богословскихъ началахъ, довольно сказать, что истина и заблужденіе никогда не примирятся другъ съ другомъ. Нельзя было бы и думать

объ этомъ, потому что примирять ихъ значило бы идти противъ ихъ сущности, по которой они взаимно другъ друга исключаютъ. А покушеніе на это было бы преступно, потому что какъ только удалось бы установить это примиреніе, съ той поры въ духѣ человѣческомъ не осталось бы уже ни истинны, ни заблужденія, ни порока, ни добродѣтели, ни добра, ни зла, а открылось бы мѣсто безконечному сомнѣнію—скептицизму, во сто кратъ худшему самаго пагубнаго заблужденія, съ его опредѣленными качествами, такъ какъ чрезъ это открывался бы свободный входъ всякаго рода заблужденіямъ.

И не это ли печальное состояніе предано намъ послѣднимъ вѣкомъ, съ его горькими плодами *догматической* вѣротерпимости по философіи Руссо, отъ которыхъ мы, по милости Божіей, начинаемъ отворачиваться? Не заходя далеко ко временамъ ужасовъ гражданскихъ и религіозныхъ, и въ наши послѣдніе дни какихъ не видѣли мы на дѣлѣ попытокъ самыхъ разрушительныхъ? Какія начала не подвергались у насъ нападеніямъ и осужденіямъ? Какія странныя и чудовищныя мнѣнія не имѣли ходу и успѣха? до чего не доходила дерзость нашихъ новѣйшихъ преобразователей? Даже само преступленіе не выставлялось предъ лицомъ неба и законовъ съ важнымъ видомъ на этомъ пошломъ театрѣ мнѣній, бывшемъ свидѣтелемъ преемственной смѣны множества подобныхъ личностей? Отсюда-то во всѣхъ слояхъ общественной жизни появились всеобщее колебаніе, повсюдная расшатанность и раздвоеніе: ни убѣжденія въ душахъ, ни стойкости въ умахъ, ни взаимныхъ влеченій и привязанностей въ сердцахъ; одно взаимное недовѣріе

другъ къ другу, постоянный обменъ взаимныхъ обвиненій и осужденій, то истинныхъ, то ложныхъ; заслуги одного оцѣниваются не иначе, какъ съ ущербомъ для другаго, и общее сохраненіе порядка вещей бываетъ не столько слѣдствіемъ опредѣленнаго направленія въ обществѣ, сколько плодомъ счастливаго стеченія противоположныхъ событій, взаимно другъ друга умѣряющихъ, въ чемъ раскрывается болѣе промыслительное распоряженіе Божіе, чѣмъ дѣятельность человѣчества.

Благо еще, что среди этого всеобщаго броженія и непрестаннаго столкновенія всѣхъ стихій общественной жизни, въ многознаменательномъ голосѣ Церкви постоянно и неизмѣнно раздавалось слово утвержденія, поддерживающее и охраняющее неприкосновенность небесной петины, которая выдержала всю ярость ожесточенныхъ противъ нея строгостей, но осталась неприкосновенна въ своей цѣлости, не допущена даже до обращенія ея въ вопросъ прерѣканія. Только эта чистѣйшая истина, сущность и основаніе всѣхъ другихъ истинъ, обнимающая и опредѣляющая всѣ отношенія наши къ Верховному Существу, къ нашимъ ближнимъ и намъ самимъ, и руководящая насъ къ спасенію вѣчному и временному, неизмѣнная истина всецелой Церкви, поддерживая и охраняя себя, одна поддерживаетъ и охраняетъ постоянно существованіе обществъ человѣческихъ, даже въ такихъ членахъ, которые бывають наиболѣе непріязненны противъ нея, и устрояетъ такимъ образомъ благосостояніе своихъ ослѣпленныхъ враговъ. Въ этихъ-то обстоятельствахъ яснѣе и вразумительнѣе всего открывается высокая справедливость того наименованія, какое усвоено Церкви св. Апостоломъ

Павломъ, она дѣйствительно является тутъ *столпомъ и утвержденіемъ истины*, а чрезъ нее столпомъ и утвержденіемъ порядка общественной жизни.

Но, что особенно достойно всякаго вниманія, эта догматическая непоступность вселенской истины въ высшей степени благопріятствуетъ свободѣ. Исторія вселенской Церкви есть исторія свободы; изъ этого мы составимъ предметъ особеннаго изслѣдованія въ третьей части нашего сочиненія о *доказательствахъ историческихъ*, а здѣсь мы изяснимъ эту истину только въ ея *началахъ*.

Чтобы съ перваго раза показать, въ какомъ смыслѣ мы намѣрены говорить о свободѣ, мы представляемъ здѣсь понятіе о свободѣ *гражданской*, которая состоитъ въ возможности каждому члену гражданского общества дѣлать то, на что онъ имѣетъ права. Это, — если мы не ошибаемся, — самое употребительное понятіе о свободѣ. Это равенство всѣхъ передъ закономъ гражданскимъ, который, возвышаясь надъ всѣми гражданами, всѣхъ ихъ, безразлично подчиняетъ одинаковымъ обязанностямъ и охраняетъ для всѣхъ ихъ одинаковыя права. Такимъ образомъ изъ непреклонности, изъ непоступности этого закона и вытекаетъ по отношенію ко всѣмъ гражданамъ свобода. Это очевидно.

Пойдемъ далѣе. Что сказано о свободѣ гражданской, тоже считаемъ возможнымъ сказать и о свободѣ *естественной*, которая и есть въ истинномъ смыслѣ свобода, а другіе виды свободы суть только приложеніе, тѣснѣйшее примѣненіе естественной свободы. По этому естественная свобода должна состоять въ возможности всякому человеку дѣлать то, на что онъ имѣетъ право, опредѣ-

ляемое закономъ естественнымъ: это и есть равенство всѣхъ людей предъ закономъ естественнымъ, который по этому выше всѣхъ ихъ, и подчиняетъ ихъ, какъ членовъ одного и тогоже гражданства, одинаковымъ обязанностямъ и охраняетъ для всѣхъ одинаковыя права. И здѣсь опять изъ неизмѣнности и непоступности закона естественнаго вытекаетъ свобода естественная.

Однимъ словомъ, всякая свобода предполагаетъ равенство, а всякое равенство предполагаетъ законъ, возвышающійся надъ всѣми равными, которыхъ онъ собственно и подводитъ подъ свой уровень. Такимъ образомъ, въ основаніи всякой свободы лежитъ непоступность поддерживающаго ее закона; въ порядкѣ общественномъ это законъ положительный, въ порядкѣ естественномъ законъ естественный.—Этотъ послѣдній законъ есть законъ разума и истины, законъ вышечеловѣческой, Божественный, который установленъ самимъ Богомъ.

Но въ настоящемъ состояніи нашей грѣховной немощи естественной законъ естественный остается безъ надлежащаго дѣйствія и вліянія на совѣсть. Истинная Религія, по сущности и назначенію своему, должна приблизить къ нашему сознанию и совѣсти важность и силу этого закона, такъ чтобы онъ выступилъ изъ своей отвлеченности, сдѣлался ясенъ и понятенъ для насъ, и всегда стоялъ бы надъ нашею головою во всеоружіи своихъ прещеній за его нарушеніе.

Древніе, утративъ истинную Религію, потеряли и правильныя понятія о законѣ естественномъ, у нихъ были понятія о немъ очень слабыя и нетвердыя; равенство и свобода естественныя были

у нихъ почти неизвѣстны. Положительные законы ихъ, которые должны бы были сообразны съ этимъ важнѣйшимъ закономъ, обыкновенно были не что иное, какъ разрушеніе его. Знаменитѣйшія республики древности, какъ извѣстно, держались управленіемъ *исключительности* по отношенію къ праву естественному, управленіемъ, въ которомъ право частное заглушало и подавляло права природы и справедливости. Все въ нихъ было измышлено. Онѣ какъ будто не могли и существовать въ атмосферѣ естественной справедливости; такъ что какъ скоро эта справедливость начинала проникать въ ихъ учрежденія, это было несомнѣннымъ признакомъ ихъ паденія. (*) Но какъ законодательство ихъ было далеко отъ природы, такъ и свобода была призрачна; это была какая-то хромающая свобода, которая могла поддерживать свое существованіе не иначе, какъ порабощеніемъ третьей части рода человѣческаго; это была свобода—умножать рабовъ.

Что же потребно было для избавленія міра отъ этого печальнаго состоянія? Надобно было возстановить въ немъ, ввести въ его сознаніе законъ естественный, всеобщій и неизмѣнный, который съ такою отчетливостію определялъ Цицеронъ, когда говорилъ: «естъ истинный и безусловный законъ, всеобщій, неизмѣнный, вѣчный, голосъ котораго внушаетъ добро, имъ заповѣлуемое и отвращаетъ отъ зла, имъ запрещаемого. Этого закона нельзя ослаблять никакимъ другимъ закономъ; нельзя въ немъ ни убавить что либо, ни отмѣнить

(*) Это приговоръ прекраснаго сочиненія Троппона, — *о вліяніи Христіанства на римское право.*

его всецѣло; ни народъ, ни сенатъ не могутъ разрѣшить о гѣ обязанности повиноваться ему. Онъ не можетъ быть инымъ въ Римѣ, и инымъ въ Афиннахъ, сегодня такимъ, а завтра инымъ; но всегда и вездѣ одинаковъ, единый и неизмѣнный, онъ можетъ подчинять своимъ требованіямъ все народы во все вѣка: это—какъ бы одинъ всеобщій Наставникъ, и самъ Богъ, Который долженъ царствовать надъ всѣмъ». (*)

Этотъ-то, по истинѣ, вселенскій законъ, о которомъ помышлялъ, или имѣлъ предчувствіе Цицеронъ, принесенъ и навсегда утвержденъ на землѣ Господомъ Иисусомъ Христомъ, Который представилъ его очевиднымъ и понятнымъ для вниманія всякаго сперва въ Своемъ собственномъ лицѣ, а потомъ въ Своей Церкви, въ постановленіяхъ которой онъ разъясненъ и огражденъ всеми духовными пособіями и мѣрами, необходимыми какъ для поддержанія неприкосновенной его важности и силы, такъ и для обращенія его въ руководство и правило жизни.

Высказанное Цицерономъ гаданіе, или желаніе, относительно всеобщаго Наставника исполнилось на землѣ съ пришествіемъ Иисуса Христа, который прямо объявилъ Себя единымъ и единственнымъ наставникомъ для всехъ вообще людей въ слѣдующихъ словахъ: *«вы не называйтесь учителями; ибо одинъ у васъ учитель, Христосъ; все же вы братья. И отцемъ себя не называете никого на землѣ: ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ И не называйтесь наставниками: ибо одинъ у васъ Наставникъ, Христосъ.»* (**)

(*) Cicero, de Republica, lib. III.

(**) Мат. 23 8—10.

начо, и всеобщаго законодательнаго авторитета, какъ авторитета Верховнаго Разума и Высочайшей Петины, открывшагося въ лицѣ Иисуса Христа и въ Его церкви, произошли для міра великія истины равенства, братства и свободы въ человѣчествѣ. На этомъ законодательномъ авторитетѣ основывается единое истинное царство (Respublica) *царство Божіе на землѣ, великое благодатное царство Христово, вселенская Церковь*. Равно подчиняя всѣхъ вообще людей одному Божественному закону правды и любви и кромѣ этого закона не допуская никакой другой власти, налагая узду на всякаго рода тиранію, происходящую какъ отъ нашихъ собственныхъ пороковъ, такъ и отъ страстей другихъ людей, его непоколебимая непоступность ограждаетъ нашу свободу какъ совнѣ, такъ и внутри, и изъ рабовъ людямъ дѣлаетъ насъ сынами Бога по непреложному обѣтованію Божественнаго Освободителя нашего: *если вы пребудете въ Мою любовь, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными.* (*)

Такимъ образомъ торжество Христіанства заключается въ томъ, что оно возвратило міру свободу нравственную, служащую душею и жизнію всякой другой свободы, поставляя всѣхъ насъ равно подъ одинъ законъ Божественной истины, подъ законъ Евангельскій, служащій истолкованіемъ и восполненіемъ закона *естественнаго* въ высшей и совершеннѣйшей степени. Законъ этотъ до возстановленія его Христіанствомъ, терявшійся въ отвлеченіяхъ, составлявшихъ по наблюденіямъ явленій природы, болѣе и болѣе обращался и обра-

(*) Іоан. 8, 31, 32.

щается въ положительныя постановленія, осуществляющіяся какъ руководство и правило жизни, въ различныхъ состояніяхъ общества, такъ что Христіанство можетъ всегда говорить о освобожденному міру, то же, что и Іегова говорилъ нѣкогда избранному народу: *Я живемь въ Господь Богъ твой, изведший тебя изъ дому рабства.* (*) Торжество Церкви Христовой заключается преимущественно въ томъ, что она всегда сохраняла и поддерживала неприкосновенно залогъ этого закона, непреложность и силу его противопоставляла всѣмъ страстямъ, всѣмъ заблужденіямъ и всякаго рода тираніи, и мало по малу его духомъ и направленіемъ проникала въ нравы и обычаи, учрежденія, постановленія и законоположенія человѣческія, такъ что право естественное, нѣкогда искаженное и подавленное вымышленнымъ правомъ частнымъ, займало собою это послѣднее и само стало какъ бы правомъ частнымъ, и нѣтъ закона положительнаго, который можно было бы нѣкоторымъ образомъ отличать отъ закона естественнаго. Наконецъ нашему времени дано утѣшеніе и отрадная надежда видѣть восходящую зарю болѣе полнаго преобразованія по духу этого закона. Изъ непомѣрнаго желанія ускорить такое преобразование мы долгое время только замедляли его; изъ желанія обойтись безъ жизненнаго начала его мы увидѣли себя низверженными съ вершины образованности и просвѣщенія въ глубокую тьму варварства. Возстановленные послѣ этого многознаменательнаго паденія, но все еще разбитые и сокрушенныя, мы можемъ довершить наше возстанов-

(*) Исход. 20, 2.

леніе не иначе, какъ поставивъ себя подъ законъ Евангельской свободы, предлагаемый намъ въ истинѣ вселенской Церкви, который требуетъ покорности только для того, что бы даровать намъ и ограждать нашу свободу; осуждаетъ и преслѣдуетъ заблужденія, подавляетъ страсти для того, что бы уничтожить причины и поводы тираніи. Непокколебимая непоступность этого закона становится такимъ образомъ началомъ дѣйствительнаго возрожденія всякой разумной свободы, всякаго законнаго преобразованія, всякой истинной вѣротерпимости, подобно тому какъ твердый и прочный фундаментъ въ зданіи дѣлаетъ излишними множество подпорокъ и даетъ возможность всѣ части зданія возводить къ своду отважно и величественно.

УЧЕНЬЕ СВѢТЪ, А НЕУЧЕНЬЕ—ТЬМА

Ученье свѣтъ, а не ученье—

Густая тьма въ людскихъ умахъ;

Свѣтло, какъ полдень, просвѣщенье,

Невѣжество живетъ въ потьмахъ:

Что умъ безъ помощи науки?

Подъ спудомъ свѣтъ, въ корѣ алмазъ;

Какъ инструментъ безъ струнь, безъ звука,

Какъ съ темною водою глазъ.

Слѣпецъ,—не видитъ онъ сіянья

Небесной истины, святой,

И безъ созвучья, безъ вниманья,

Онъ слышитъ дивный ея строй;

Глядитъ на Божье онъ творенье,

Предъ нимъ все темно, точно лѣсъ;

Онъ не зажжется восхищеньемъ

При созерцаніи небесъ.

Взглядъ у него на вещи гладкой,
Лишь по наружности скользить,
Миръ кажется ему загадкой;
Сознанье дремлетъ въ немъ, мысль спить.

Но безъ наукъ и прочи силы
Лѣнны, вялы, дремлютъ, спять;
Въ душѣ глубоко, какъ въ могилѣ,
Сномъ убаюканы лежать.

Воображенье грубо, хладно,
Безъ искръ, безъ жару, безъ огня.
Не подарить мечтой нарядной,
Отрадною улыбкой дня.

А чувство крѣпко, точно камень,
И черство, жестко, какъ кремь,
Клади его на жгущій пламень,—
Не выбьешь искры цѣлый день.

Нѣтъ симпатіи благородной,
Къ изящному порыва нѣтъ,—
Разгуломъ дикимъ и свободнымъ
Оно питается, живетъ.

И слово,—этотъ даръ прекрасный,
И чувствъ и мыслей проводникъ,
Что безъ наукъ?—металлъ безгласный,
Какъ й-то дикій, грубый крикъ;

Косноязычно и лѣново,
Какъ бы на привязи, въ цѣпяхъ,—
Не катится струей игривой,
Но застываетъ на устахъ.

И что вся жизнь безъ просвѣщенья?
Не жизнь, а проволочка дней,
Въ тѣни, въ глуши, безъ наслажденья,
Засохнетъ, какъ степной ручей.

Безъ внутренней разумной силы
Поблекнетъ жизненный ростокъ,
Какъ на безжизненной могилѣ
Чуть распутившійся цвѣтокъ.

Совсѣмъ не то, когда науку
Къ себѣ на помощь призовемъ

И ладно, дружно, рука въ руку,
Мы съ просвѣщеньемъ заживемъ.

Жизнь явится тогда иная
И будемъ тѣже, да не тѣ:
Умъ, окрылившись, заиграетъ,
Какъ Божія птичка въ высотѣ.

Да! умъ, наукой окрыленный,
Широкій дѣлаетъ размахъ,
Онъ обтекаетъ полвселенной,
Какъ бы на огненныхъ крылахъ.

Такъ силенъ силою науки
Умъ, прежде слабый, нынѣ сталъ,
Что молнію беретъ онъ въ руки,
Бояться грома пересталъ.

Вотъ электричество!. Опасно
Шутить съ нимъ было и играть;
Теперь уму оно подвластно,
Онъ сталъ имъ просто управлять:

Отважно, не робѣя, смѣло,
Схватилъ его и пустилъ въ дѣло,
На вѣсть поставилъ, на часахъ, —
Я разумью *Телеграфъ*.

И водная теперь стихія
Упрямство бросила свое;
Смотрите, — чудеса какія
Умъ производитъ изъ нея:

Катятся паромъ колесницы,
Семьсотъ верстъ одинъ день бѣгутъ;
Москва и Питеръ — двѣ столицы,
Теперь въ сосѣдствѣ ужъ живутъ.

Вотъ открываются летучи
Близъ насъ желѣзные пути,
Не на телѣгахъ ужъ скрипучихъ,
Въ вагонахъ стали всѣ нестись.

На дѣто будетъ до Тамбова
Протянута желѣзная нить;
Изъ Питера и въ Питеръ снова
Машины будутъ насъ возить.

Тогда не бойся грязи, снѣга,
Усталости въ конѣ томъ нѣтъ,
Желѣзный конь не сбавитъ бѣга,
Чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣй идетъ.

И съ воздухомъ умъ подружился,
Придумаль, какъ безъ крыль летать,
Гулять по облакамъ пустился,
Завелъ себѣ аэростатъ.

Хитра наука и недолго,
Немного, можетъ быть, пождать,
Устроить въ воздухѣ дорогу,
Чтобъ тамъ свободно развѣзжать,

Да! жить съ науками отрадно, —
Жизнь съ ними точно Божій рай; —
Но только, если съ вѣрой ладно
Онѣ живутъ, а лишь за край,

Святой религіи уходятъ,
Хаосъ ужасный производятъ.

Гдѣ подчиненья вѣрѣ нѣтъ,
Тамъ нѣтъ примова просвѣщенья,
Хоть и широкъ въ наукахъ свѣтъ,
Но этотъ свѣтъ безъ оживленья,

Свѣтъ этотъ только жжетъ, не грѣетъ, —
Все сохнетъ отъ него, мертвѣетъ.
Безъ вѣры, точно безъ души,
Науки въ существѣ не будутъ хороши.

Павелъ Остроу мовъ,

12 Августа 1868 года.

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвитинъ,

Съ дозволенія цензуры 18 Ноября 1868 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.